

УДК 80 + 2

Г.В. Писарук**РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ЕВАНГЕЛЬСКОМ ТЕКСТЕ**

В статье представлен вариант изучения способов эмпирической аргументации с использованием приёма риторического анализа библейского текста.

В результате риторического анализа главы 15 Евангелия от Луки делается вывод о том, что притчи используются говорящим в качестве разных способов эмпирической аргументации – как пример, иллюстрация и образец.

Происходящий сегодня возврат к риторике как к «науке о способах убеждения» (Аристотель) позволяет считать риторический анализ текста с целью осмысления роли факта в качестве аргумента очень важным для формирования речевой культуры коммуниканта.

*Когда у говорящего нет аргументов,
появляются просто мнения.
Д.С. Лихачёв*

Введение

Важное место в системе современных способов аргументации занимает аргументация эмпирическая. Между тем, отмечает А.А. Ивин, «аргументация с помощью примера пока исследована очень слабо. ... Проблемы практического мышления ... вообще пока не нашли методологического и эпистемологического осмысления» [1, с. 43].

Нам кажется целесообразным обращение к библейскому тексту, поскольку Библия представляет людям Бога, обнажает сущность человека и описывает возможные отношения человека и Бога на основании множества фактов. Именно библейская фактура преподносит читателю точную и правдивую картину жизни как отдельной личности, так и всего человечества в целом. Задача читающего – понять, почему и для чего в Библии есть тот или иной сюжет, изложена та или иная история.

Постановка задачи

«Эмпирическая аргументация» – аргументация, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, в первую очередь на факты статистические, научные, факты из жизни, литературы или истории. Разновидности фактов, их суть, цели, функции можно представить в виде таблицы.

Таблица 1 – Факты как способы эмпирической аргументации

Иллюстрация	Пример	Образец
Цель – прояснить известное общее положение	Цель – подтолкнуть к обобщению, подвести к формулировке обобщения	Цель – обосновать оценки и нормы
Может вызывать небольшие сомнения, но должен живо воздействовать на воображение, вызывать эмоциональный резонанс	Воспринимается как твёрдый, однозначно трактуемый	Воспринимается как твёрдый, однозначно трактуемый

Продолжение таблицы –1

Укрепляет в правильности уже известного и уже принятого обобщения	Является отправным пунктом для последующего обобщения или подкрепления сделанного обобщения	Призывает подражать чьему-то поведению
Функция – иллюстрирующая	Функция – типизирующая	Функция – стандартизирующая и побуждающая
описание	описание + оценка	оценка + описание
Не всегда чётко различимы		

Факты как способы эмпирической аргументации различаются по целям и функциям, зависящим от речевой ситуации. Полное значение приведённого в тексте факта и его конкретный смысл может быть понятен только в определённом контексте. Русский философ А.Ф. Лосев писал, что, «поскольку факты всегда случайны, неожиданны, текучи и ненадёжны, часто непонятны, волей-неволей приходится иметь дело не только с фактами, но более того – с теми общностями, без которых нельзя понять и самих фактов» [1, с. 30].

Риторический анализ предполагает наряду с анализом языкового поля текста и оценку составляющих речевой ситуации – коммуникативные намерения и задачи участников речевого общения. В качестве материала для анализа возьмём отрывок библейского текста, в котором в качестве аргументов используются притчи, – гл. 15 Евангелия от Луки.

Контекстные основания для риторического анализа евангельского текста

Греческое слово «параболэ», переведенное как «притча» в Новом Завете, обозначает «сравнение»: при помощи притчей сравниваются естественные и духовные предметы, так ярче проявляется соответствие между чувственным и духовным миром.

В Евангелии от Матфея Иисус Христос на вопрос учеников «Почему ты поучаешь притчами?» отвечает: «...потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют...» (Мф. 13:13)¹. Иисус Христос использует притчу как средство наиболее доступное и наиболее приспособленное по высокой простоте своей к степени разумения каждого человека.

Евангельский текст содержит сорок притчей, рассказанных Иисусом Христом своим последователям. Более десяти из них повторяются у двух и трёх евангелистов.

Притча как небольшое повествование имеет свои особенности. Она содержит два плана. Видимый план – сюжетное повествование о чём-либо. Второй план – невидимый, глубинный, это поучение, наставление, то, ради чего и создаётся сама притча. Следовательно, притча и откровенна, и сокровенна. Именно поэтому в словаре В.И. Даля притча толкуется как «поучение в примере».

В притче есть что-то и от загадки: она требует от читателя активного постижения смысла. Она должна быть разгадана, понята в результате самостоятельной интеллектуально-нравственной работы человека. Неслучайно евангелисты неоднократно после притчей Иисуса Христа пишут: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11:15, 13:9; Мк. 4:9, 23).

Абсолютное большинство библейских притчей не может быть понято, если рассматривать их как автономные «вкрапления» в текст. Известный православный публи-

¹ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии.

цист А. Кураев в книге «школьное богословие» пишет о евангельских притчах: «Притчи нельзя вырывать из евангельского контекста: они задыхаются, мельчают. Впрочем, это общая судьба любой церковной святыни: последняя похожа на метерлинковскую Синюю Птицу. В своей стране она изумительно прекрасна. Но, увезённая на чужбину, разлучённая со своей страной, выцветает...» [2, с. 277].

На рубеже классической эпохи и эллинизма притча попала в число «прогимнасм» – подготовительных упражнений, с которых начиналось обучение ритора. Эти упражнения имели цель подготовить учеников к использованию притчи как одного из средств аргументации в публичной речи. Притча и по-прежнему является одним из важнейших риторических средств в современной гомилетике (искусстве проповеди).

Исторические основания для проведения риторического анализа главы 15 Евангелия от Луки

Фарисеи (от др.-еврейского отделившиеся) – представители общественно-религиозного течения в Иудее во II в. до Р.Х. – II в. по Р.Х. Могущественная и многочисленная партия во времена Иисуса Христа (6 тысяч человек). Историк того времени Иосиф Флавий пишет о фарисеях как о людях, которые были патриотами своей земли, добивающимися политической независимости еврейского народа.

Фарисеи – это люди благопристойного поведения, их характеризовало подчёркнуто строгое соблюдение установлений, предписанных Богом для евреев (см. Пятикнижие Моисея).

Книжники – люди, ревностно охранявшие и изучавшие имевшиеся в то время Священные Писания. Этим именем первым в Библии назван священник Ездра: «книжник, сведущий в законе Моисеевом» (Ездр. 7:6), он «расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень и исполнять его, и учить в Израиле закону и правде» (Ездр. 7:10; см. также Неем. 8:1–8).

В Библии слово «книжник» синонимично слову «законник», поскольку, стремясь быть благочестивыми, исполняя повеления Бога, и наставлять в этом других, книжники прибавляли к Закону и Пророкам множество собственных заповедей и постановлений, делая их важнее слов закона Моисея. Впоследствии эти законы и пояснения к ним стали основой Талмуда.

В Евангелиях мы читаем, как Иисус Христос не раз раскрывал лицемерие фарисеев и книжников, говоря, что их внешняя святость прикрывает внутреннюю нечистоту, проявляющуюся в презрительном отношении к прочим людям. Со всеми своими благочестивыми правилами они были подобны «окрашенным гробам» (Мф. 23:26–28). В трёх Евангелиях записано предупреждение Иисуса Христа о том, что надо беречься «закваски фарисейской» (Мф. 16:6; Мк. 8:15; Лк. 12:1) и что праведность Его учеников должна превзойти праведность фарисеев (Мф. 5:12).

В словари современного русского языка слово «фарисей» вошло с одним из значений – «лицемер, ханжа».

Драхма – персидская золотая или серебряная монета, которая была в употреблении у евреев во времена Вавилонского плена (VI в. до Р.Х.). О золотых драхмах Библия упоминает в Ездр. 2:69; 8:27; Неем. 7:70; 1 Пар. 29:7). После падения Персидского царства у евреев были в обращении греческие и сирийские монеты – таланты и драхмы. Во II в. до Р.Х. было получено право чеканить еврейские монеты – сикли. Во времена Нового Завета в обращении были греческие и римские монеты – статир, дидрахма (двойная драхма), динарий, ассарий, кодрант и лепта.

Риторический анализ главы 15 Евангелия от Луки

В гл. 15 Евангелия от Луки мы находим три притчи, рассказанные Иисусом Христом фарисеям и книжникам в ответ на их недовольство (сказано: *«роптали»*) тем, что Он *«принимает грешников и ест с ними»* (ст. 2–3). Объясняя своё поведение, Иисус Христос рассказывает им притчи о потерянной овце (ст. 4–7), о потерянной драхме (ст. 7–10) и о блудном сыне (ст. 11–32). В библейском тексте нет чётко сформулированного тезиса, аргументом к которому являются притчи, рассказанные Иисусом Христом, но мы можем сформулировать его сами: необходимо в первую очередь заботиться о «потерянных» людях – тех, кому нужна помощь.

В русском переводе форма притчи о потерянной овце – это риторический вопрос, содержащий утверждение, не допускающее сомнения: *«кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдёт за пропавшею, пока не найдёт её? А найдя, возьмёт её на плечи свои с радостью и, придя домой, созовёт друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною: я нашёл мою пропавшую овцу»* (ст. 4–6).

Этот факт воспринимается слушающими как твёрдый, однозначно трактуемый, и является отправным пунктом для последующего обобщения – рассказчик сам формулирует мораль притчи. Причём, резюмируя приведенный аргумент, Иисус Христос проводит параллель с духовным миром, делая акцент не на поисках, а на радости, следующей за успешными поисками: *«Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»* (ст. 7).

Эта притча содержит не только описание, но и оценку произнесённого рассказчиком. Следовательно, этот факт выполняет типизирующую функцию, он приведён в роли **примера**.

Вторая притча – о потерянной драхме – использована уже в качестве иллюстрации такого правильного, с точки зрения рассказчика, поведения. Может быть, этим примером Иисус Христос желал усилить воздействие самой мысли на фарисеев и книжников, которые никогда не занимались овцеводством. Чтобы подействовать на их воображение, вызвать у них эмоциональный резонанс, Он говорит о женщине, ищущей потерянную драхму: *«Или какая женщина, имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжёт свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдёт, а найдя, созовёт подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною: я нашла потерянную драхму»* (ст. 8–9). Этот факт укрепляет слушающих в правильности уже известного им обобщения, которое Иисус Христос повторяет: *«Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся»* (ст. 10).

Несмотря на то, что факт рассказывания притчи о потерянной драхме состоит из двух частей – описание плюс оценка, притчу можно отнести к иллюстрации, тем более что эта притча идет не первой в речи говорящего, а второй. Следовательно, оказывает на слушателей более сильное впечатление. Этот факт, выполняя иллюстрирующую функцию, является **иллюстрацией**.

В то же время учитывая, что притчи приводятся Иисусом Христом в речи, обращённой к фарисеям и книжникам, которые более других должны были бы понимать духовные вопросы спасения погибающих людей – мытарей и грешников, два приведенных факта выполняют и дополнительные функции – стандартизирующую и побуждающую. Более того: поскольку в резюмирующих частях притчей пять раз употреблены слова «радость» и «радоваться», это позволяет уточнить сформулированный в начале работы с текстом тезис: Иисус Христос утверждает не только то, что необходимо заботиться о погибающих, «потерявшихся» людях, но и то, что радость от спасения их должна быть сильной и искренней.

Притчи о потерянной овце и о потерянной драхме – это факты из мира животных и просто материального мира, а в притче о блудном сыне аргументация принимает другое направление: Иисус переводит речь в сферу межличностных отношений.

Притча о блудном сыне – это развёрнутый рассказ на ту же тему: как важно уметь радоваться, когда находится пропавшее.

Рассказывая притчу о потерянной овце, Иисус Христос «расшифровывает» её смысл (ст. 7), о потерянной драхме – тоже (ст. 10), то есть Он Сам делает обобщение. Притча о блудном сыне таким обобщением не заканчивается (Лк. 15:32 – это фактическая концовка притчи о блудном сыне, а 16:1 – это уже следующая притча, рассказ уже не фарисеям и книжникам, а ученикам). В этом случае сказанное выступает как один из трёх фактов, служащих для последующего обобщения, которого в тексте Евангелия нет. Тем самым, рассказывая фарисеям и книжникам притчу о блудном сыне, Иисус Христос хочет подтолкнуть их к самостоятельной формулировке обобщения. Иисус, несомненно, призывает фарисеев и книжников подражать поведению отца, ждавшего сына долгие годы и устроившего пир в честь его возвращения (та же тема радости). Следовательно, в соответствии с теорией аргументации факт, представленный в притче, в первую очередь выполняет стандартизирующую и побуждающую функцию и поэтому выступает в роли **образца**.

Кроме того, Иисус Христос обличает фарисеев и книжников через образ старшего сына. Перед фарисеями и книжниками возникает образ трудолюбивого (он «*был на поле*» – ст. 25), послушного отцу (он говорит отцу: «*вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего*» – ст. 29), общительного («*повеселиться с друзьями моими*» – ст. 29), самостоятельного человека (веселился с друзьями за свои деньги: «*ты никогда не дал мне и козлёнка*» – ст. 29). Рядом со старшим сыном старшему отцу, вероятно, было спокойно и уютно жить. Однако внешняя благопристойность старшего сына закрывала его внутреннюю нечистоту: он считал себя праведником, сравнивая себя с другими, был дерзок в желании быть оцененным за свою праведность, а в результате не смог порадоваться «найденному» – вернувшемуся домой младшему брату (он «*осердился и не хотел войти*» – ст. 28). Так проявилось в старшем сыне фарисейство – презрительное отношение к людям. Разочарование в старшем сыне заметно в последних словах отца: «*Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё моё твоё, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв и ожил, пропал и нашёлся*» (ст. 31–32).

Притча о блудном сыне в контексте Евангелия от Луки – самая ёмкая по смыслу, со множеством смысловых граней, именно поэтому Иисус Христос в своих доводах подаёт её последней – так требует теория аргументации.

Выводы

Эмпирическая аргументация универсальна – она может быть применима в любой аудитории, но адресна – нужно учитывать особенности каждой, отдельно взятой аудитории. Риторика утверждает, что говорящий обязательно должен ориентироваться на своих слушателей, в противном случае он потерпит фиаско.

Притчи Иисуса Христа, вошедшие в Евангелия, были адресованы конкретному адресату и сказаны в конкретный момент речи, чтобы более доходчиво объяснить слушателям свою мысль, стимулировать их к размышлениям по излагаемому вопросу, воздействовать на их разум и эмоции, призвать к подражанию чьему-то поведению.

Притчи о потерянной овце и о потерянной драхме в контексте 15 гл. Евангелия от Луки аргументативная риторика может назвать доводами к практике (англ. appeal to practice): «Так делают все, значит, это правильно». Это сильный аргумент. Видный американский специалист по аргументативной риторике Роберт Майер предлагает таким обра-

зом создавать и расширять в аудитории так называемую зону согласия, постепенно завоевывая симпатии и доверие к себе, а следовательно, и к своим идеям [2, с. 67].

Основная идея знакомой всем притчи о блудном сыне вне контекста Евангелия от Луки (в самом широком смысле – для всех читающих) формулируется так: в жизни важно уметь прощать других и уметь признавать свои ошибки. Для христиан же эта идея трансформируется (опять-таки вне контекста) следующим образом: раскаяние одного грешника, возвращение его от зла и тьмы к свету и добру – это великий праздник и радость для тех, кто хочет, чтобы на земле царил добро.

Между тем эта притча – факт в роли образца для конкретных слушателей – фарисеев. Фарисеи и книжники должны были узнать себя в образе старшего сына (кстати, в Синодальном каноническом издании Библии притча называется не «Притча о блудном сыне», а «Притча о блудном сыне, его отце и старшем брате»). И если начало притчи могло вызвать у фарисеев и книжников небольшие сомнения (требование младшего сына разделить наследство при жизни отца было немислимо для иудеев того времени), то концовка притчи, несомненно, должна была вызвать у них эмоциональный резонанс. Библейский текст не содержит реакции фарисеев и книжников, однако в других местах Евангелия, например Лк. 13:17, мы читаем: «...все противившиеся Ему (Иисусу Христу) стыдились».

Так три притчи делают возможным выдвижение говорящим общего принципа – в отношениях с людьми важен не закон закона, а Закон Любви.

Заклучение

«Европейская логика всегда была равнодушна к анализу роли примеров в аргументации, считалось, что доказательная или убедительная сила примера столь же ничтожна, как и убедительность всех изолированных, приводимых поодиночке фактов» [1, с. 43]. Происходящий сегодня возврат к риторике как к «науке о способах убеждения» (Аристотель) позволяет считать риторический анализ текста с целью осмысления роли факта в качестве аргумента очень важным для формирования речевой культуры говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивин, А. А. Риторика : искусство убеждать : уч. пособие / А. А. Ивин. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002.
2. Кураев, А. Школьное богословие / А. Кураев. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 2000.
3. Москвин, В. П. О типах и формах аргументации к авторитету / В. П. Москвин // Русская словесность. – 2007. – № 6.

Pisaruk G.V. A rhetorical analysis of an empirical argumentation in evagelic text

The article deals with the study of argumentative rhetorical strategies in a Bible text.

The rhetorical analysis of Luke, chapter 15 makes it possible to conclude that the parables used by the speaker serve as various means of empirical argumentation – as an example, an illustration, and a model.

The resumed interest in rhetoric as the «science of persuasion means» (Aristotle) makes it possible to consider the rhetorical analysis of the text with the aim of interpreting the fact as an argument to be very important for the formation of a communicant's speech culture.